

УДК 930(47+57):327((47+57)+438) "193"

Н.Н. МЕЗГА

СОВЕТСКАЯ МЕЖВОЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ОБ ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМАХ СОВЕТСКО- ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ СЕРЕДИНЫ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1930-х гг.

В статье выявлены проблемы советско-польских отношений середины – второй половины 1930-х гг., нашедшие отражение в советской историографии межвоенного времени. Установлено, что высокая степень политической актуальности изучаемых вопросов определила зависимость концепций и выводов историков от официальной позиции государства и фактически концентрировала усилия на ее обосновании. Это делало крайне затруднительным получение объективных научных результатов.

Введение

Наращение угрозы Второй мировой войны привело к существенным изменениям в советской исторической науке. По мнению российского исследователя Р.Г. Пихоя советская власть, в особенности с 1930-х гг., посчитала нужным активно использовать историческую науку для обоснования своего исторического права на место в истории России. Историческая наука с конца 1920-х гг. должна была обосновывать преемственность политики царской России и России советской, в том числе и политики внешней [1, с. 41, 50]. Такая политика предполагала восстановление господства России в Восточной Европе, что делало неизбежным борьбу с Польшей. Это, в свою очередь, порождало высокую степень интереса исследователей к советско-польским отношениям, в том числе и периода, предшествовавшего Второй мировой войне. В данной статье предпринята попытка выяснить, какие аспекты советско-польских отношений в условиях нарастания угрозы новой войны стали объектом исследования советских историков межвоенного времени, насколько объективны выводы, к которым они пришли, и чем была обусловлена степень объективности полученных научных результатов.

Основная часть

Заключение советско-польского договора о ненападении 1932 г. не привело к существенным изменениям в подходах советской историографии к оценкам внешней политики Польши. Акцент по-прежнему делался на ее антисоветской направленности. Ю. Братковский в работе, вышедшей в 1933 г., обвинял Польшу в подготовке интервенции против СССР. Он указывал, что «с момента образования польского государства захватнические планы Польши обращены своим острием против СССР». По словам исследователя, «польский фашизм проводит антисоветскую

кампанию под лозунгом расчленения СССР и восстановления польских границ 1772 г.". В Польше по-прежнему господствует точка зрения, согласно которой страна находится в "тисках двух империализмов: германского и русского", однако при этом действительную угрозу представляют для Польши только "советы". Он отмечал, что пилсудчики по-прежнему не оставили планов создания "независимой Украины" на территории Советской Украины и еще более тесного объединения с Польшей Западной Украины" [2, с. 35, 37, 39, 40].

С середины 1930-х гг. в советской историографии господствует точка зрения, что напряженность в советско-польских отношениях во многом порождена тесным сотрудничеством Польши с фашистской Германией. А. Врублевский считал, что Польша в середине 1930-х гг. выступала в фарватере внешней политики Германии. По его мнению, тесное сближение Гитлера с "польским фашизмом" происходит "на общей платформе империалистической экспансии на восток и планов совместного похода против СССР" [3, с. 4, 162]. Особую роль в проведении антисоветской политики советская историография отводила Ю. Пилсудскому. А. Врублевский писал, что пилсудчики проявили себя как партия фашистов в Польше, а сам Пилсудский поддерживает связь "с наиболее антисоветскими агрессивными империалистическими государствами" [3, с. 185]. Курс Польши на сотрудничество с фашистскими государствами А. Врублевский объяснял классовыми интересами ее правящих кругов, которые готовы "скорее стать приказчиками Гитлера в своей собственной стране, чем лишиться возможности держать трудящиеся массы Польши, Западной Беларуси и Западной Украины в кабале, нищете и голоде" [3, с. 208-209].

Советские исследователи обосновывали тезис, что во второй половине 1933 г. для внешней политики Польши существовала альтернатива: опора при ее проведении на договор о ненападении с СССР, или сотрудничество с фашистской Германией. Ее лидеры избрали второй вариант. Заключение Польшей с Германией конвенции о неприменении силы характеризовалось в советской историографии как поворотный пункт в польской внешней политике, которая утратила свою самостоятельность [4, с. 39, 41]. М. Вислинский определял вторую половину 1933 – начало 1934 г. как время перелома во внешней политике Польши в сторону сближения с Германией. По его мнению, это произошло потому, что расчеты Ю. Пилсудского "повернуть острие польско-французского союза против СССР не оправдались". В этом причина охлаждения польско-французских отношений и поворота Польши в сторону Германии [5, с. 42, 44]. Современная польская и постсоветская историография отмечает инструкцию представительствам Польши за границей от 31 октября 1933 г. в качестве документа, обозначившего поворот в ее внешней политике. Она в концептуальной форме обосновывала принятое решение идти на соглашение с Германией [6, с. 77]. Так что советские историки межвоенного времени достаточно точно определили момент поворота в польской политике в сторону сближения с Германией.

А.В. Шустер и М.В. Джервис также делали вывод, что некоторое время Пилсудский колебался “между страхом потерять Познань, Верхнюю Силезию и Данцигский коридор и надеждой получить германскую помощь в войне против СССР. Но это последнее соображение оказалось решающим, и Польша начинает медленно, но неуклонно сближаться с Германией” [7, с. 411]. Действительно, поворот проходил постепенно, в феврале 1934 г. состоялся визит Ю. Бека в Москву, в ходе которого было достигнуто соглашение о преобразовании дипломатических представительств в посольства. Вскоре был подписан протокол о продлении срока действия договора о ненападении до 1945 г. [8, с. 171-172]. В современной польской историографии отстаивается тезис, согласно которому подписание декларации 26 января 1934 г. не привело к немедленному ухудшению польско-советских отношений, свидетельством чего являлись тот же визит Бека в Москву, продление срока действия договора о ненападении, повышение статуса дипломатических представительств [9, с. 213]. Видный советский дипломат В.П. Потемкин, публиковавшийся под псевдонимом В. Гальянов, в одной из своих работ отмечал, что Польша для укрепления своей безопасности могла бы опереться на договор о ненападении с СССР. Однако это маловероятно, так как во главе Польши стоят фашисты, “враги и ненавистники Советского Союза”, которые повели Польшу к сотрудничеству с фашистской Германией [10, с. 50]. Нам представляется, что весьма точную оценку значения договора о ненападении с СССР для польской политики дала в своих исследованиях И.В. Михутина. Она пришла к выводу, что смысл договора с СССР для польского правительства состоял в тактическом укреплении позиций Польши и должен был способствовать разрешению других, более важных с польской точки зрения задач [11, с. 77].

И. Высоцкий отмечал поворот к улучшению польско-германских отношений как фактор, отрицательно влияющий на отношения Польши с СССР. Он указывал на антисоветскую направленность конвенции 26 января 1934 г., в частности, на тот факт, что договор не терял силу в случае, если один из его участников совершит нападение на какое-либо третье государство. По мнению исследователя, “это означает, что оба фашистских государства оставляют друг другу полную свободу действий для осуществления своих захватнических планов и прежде всего против СССР”, а “острие польско-германского пакта направлено против СССР” [12, с. 10-11]. И. Высоцкий объясняет причины сближения Польши с фашистскими государствами. По его мнению, для осуществления своих агрессивных замыслов в отношении СССР она всегда стремилась сблизиться с той “из европейских держав, которая на данном отрезке времени агрессивнее всего относилась к Советскому Союзу”. Когда после прихода Гитлера к власти наиболее враждебную в отношении СССР политику стала проводить Германия, Польша переориентировалась на союз с ней [12, с. 15]. Л. Ломов в свою очередь отмечал, что “фашистская Польша постоянно поддерживает ту из империалистических держав, которая в

данный период готовит нападение против страны Советов”. Цель “сговора” Польши с фашистской Германией и есть подготовка войны против СССР. Данный автор также обращал внимание на укрепление связей Польши с Японией, опять же на антисоветской основе. Как факт, свидетельствующий о подготовке Польши к войне, он оценивает отклонение ею Восточного пакта, имевшего целью “поддержание мирных отношений между народами Европы” [13, с. 55-56].

Представления о крайне агрессивной в отношении СССР политике Польши в 1930-е гг. в работах советских исследователей отражали официальную позицию советских политиков. Так, 10 января 1934 г. В. Молотов заявил о возможности сговора Германии и Польши против СССР [14, с. 134]. Современные исследования позволяют усомниться в тезисе советских историков межвоенного времени о стремлении Польши в союзе с Германией начать войну против СССР. Ю. Пилсудский в начале 1935 г. в беседе с Г. Герингом в ответ на предложение последнего о совместном походе против СССР прекратил разговор, сославшись на то, что, имея границу протяженностью в 1000 км, следует желать мира с этой страной [6, с. 106]. Нам представляется слишком прямолинейной концепция, которая объясняла польско-германское сближение исключительно антисоветскими устремлениями двух стран. Более обоснованной видится точка зрения, согласно которой польско-германское сближение обуславливалось неприятием пути модернизации Версальской системы, предложенной западными государствами, за счет Польши [15, с. 146].

Важной проблемой в советско-польских отношениях было подписание Восточного пакта. И. Высоцкий обращает внимание, что в этом вопросе проявилась координация политики Польши и Германии. Польша заявила, что она сможет присоединиться к Восточному пакту только в том случае, если к нему присоединится Германия [12, с. 11]. Как крайне негативную позицию Польши в отношении Восточного пакта характеризовал и М. Вислинский. В этом вопросе Польша выступила в фарватере германской политики. Именно Германия и Польша, отмечал он, сорвали подписание этого договора [5, с. 46]. А. Врублевский также высказал точку зрения, что наиболее ярко сотрудничество Германии и Польши обнаружилось в вопросе о восточноевропейском пакте взаимопомощи. Этот пакт, выдвинутый СССР, наткнулся на противодействие лишь со стороны правительств этих стран. Их негативное отношение к договору, имевшим целью “уменьшить опасность возникновения войны в восточной части Европы, объясняется лишь тем, что агрессивные планы правящих групп этих государств направлены именно к захватническим действиям на востоке Европы, к захвату территорий СССР” [3, с. 206-207]. В работах В. Гальянова Польша опять же представлялась как один из главных противников советской политики по созданию системы коллективной безопасности, так как именно она вместе с Германией решительно выступила против подписания Восточного пакта [16, с. 41-42]. И. Лемин писал, что именно Польша является страной, которая наибо-

лее активно поддерживает действия Германии по разрушению системы безопасности в Европе, резкие возражения со стороны Польши встретил проект Восточного пакта, активным сторонником которого был СССР [17, с. 40, 53, 61]. А.В. Шустер и М.В. Джервис также отмечали активную роль Польши в срыве подписания Восточного пакта, обращая внимание на то, что она в этом вопросе солидаризировалась с Германией [7, с. 412]. Действительно, в августе 1934 г. состоялись дипломатические контакты между польским и германским правительствами с участием самого Гитлера, в результате которых два государства приняли согласованное и окончательное решение об отказе от участия в Восточном пакте [18, с. 147-148].

При изучении роли Польши в срыве подписания Восточного пакта советская историография опиралась на официальную позицию правительства СССР. Так, М. Литвинов, выступая на 16 сессии Лиги Наций 14 сентября 1935 г., говорил, с намеком на польско-германскую декларацию о неприменении силы, о существовании концепции, «борющейся с идеей коллективной безопасности, которой она противопоставляет двусторонние пакты... Не всякий пакт о ненападении имеет целью укрепление всеобщего мира» [19, с. 136]. В советских дипломатических документах того времени подчеркивалось, что именно позиция Польши в силу ее географического положения имеет решающее значение в деле подписания Восточного пакта, и ее отказ от участия в нем делает невозможным создание системы коллективной безопасности в Восточной Европе [20, с. 382]. Вывод советских исследователей межвоенного времени о том, что отказ Польши подписать Восточный пакт был связан с ее намерением совершить агрессию против СССР, на наш взгляд, не имеет убедительных доказательств. Более обоснованной представляется присутствующая в современной историографии точка зрения, что негативное отношение Польши к этому пакту было связано с теми изменениями в расстановке сил в Восточной Европе, к которым должно было привести его подписание. СССР превращался в гаранта статус-кво в регионе, его позиции резко усилились бы, что не соответствовало интересам Польши [6, с. 91]. Также необходимо согласиться с точкой зрения современных польских историков, что подписание Восточного пакта ослабляло значение Польши как союзника Франции на востоке в пользу СССР [9, с. 251].

В. Гальянов в качестве факта, свидетельствующего о росте агрессивности Польши, отмечал захват ею части территории Чехословакии осенью 1938 г. СССР пытался оказать давление на Польшу, чтобы она воздержалась от античехословацких действий [10, с. 50, 57]. Советская публицистика в изображении позиции Польши в Судетском кризисе шла вслед за официальной политической линией, которая характеризовала Польшу как союзника «германского фашизма по расчленению Чехословакии» [21, с. 696]. В современной российской историографии обоснованна точка зрения, что именно в период Судетского кризиса напряженность в советско-польских отношениях дошла до предела [22, с. 19]. Далее

В. Гальянов обращал внимание на изменения, которые произошли в отношении СССР со стороны Варшавы в конце 1938 – начале 1939 г. Захват Германией Австрии и “глубокое проникновение в Чехословакию” показали Польше, что существует реальная угроза для польского коридора, Верхней Силезии, Данцига. В результате “27 ноября минувшего (1938 – Н. Мезга) года мир был поражен советско-польским дружественным коммюнике. За ним последовало торговое соглашение СССР и Польши, подписанное 7 февраля нынешнего года”. Данный автор также отмечал, что Ю. Бек в сложившейся ситуации перешел на позицию, согласно которой “дружба Варшавы с Берлином вполне совместима с добрыми отношениями той же Варшавы с Москвой”. Такое совмещение, по мнению В. Гальянова, является очень трудно осуществимым [10, с. 63].

Исследования современных российских историков подтверждают, что уже в конце октября 1938 г. Польша стала предпринимать шаги по сближению с СССР, что проявилось в приведенных В. Гальяновым фактах [8, с. 220]. Однако доступные источники дают основание поставить под сомнение искренность стремления Польши к улучшению отношений с СССР в конце 1938 г. 27 ноября было опубликовано советско-польское коммюнике, в котором говорилось о намерении двух стран решить существующие между ними спорные вопросы. На следующий день отдел печати польского МИД сделал конфиденциальное заявление для германских журналистов, в котором подчеркивалось, что Польша считает излишним участие СССР в европейской политике, а опубликованное коммюнике – результат советской инициативы. Польша с его помощью стремилась лишь уменьшить напряженность, существовавшую в советско-польских отношениях с момента Судетского кризиса [23, с. 118-119].

Советская историография в конце 1930-х гг. при изучении проблем Западной Беларуси и Западной Украины отрицает наличие планов СССР по их отторжению от Польши. Лозунг КПП о праве народов Западной Беларуси и Западной Украины на самоопределение через их включение в БССР и УССР стал трактоваться как провокационная деятельность агентов польских спецслужб, проникших в руководство партии [24, с. 93]. Существенное влияние на позицию советской историографии оказало подписание советско-германского договора о ненападении. В. Пичета в своих исследованиях делает Польшу страной, которая развязала Вторую мировую войну: “... польские правители начали войну против Германии” [25, с. 126]. В связи с присоединением к СССР Западной Беларуси и Западной Украины он писал, что “Западная Украина... и Западная Белоруссия... – это исконно русские земли, входившие в “империю Рюриковичей”. В этническом отношении их население составляло единое целое с прочими восточнославянскими племенами”. Он считал, что 70% населения Западной Украины – украинцы, а в Западной Беларуси поляков насчитывается только 2,5–5% [25, с. 3, 126].

И.Ф. Лочмель также обвинял Польшу в развязывании войны с Германией, отмечал, что польские руководители по указанию Англии и

Франции ввязались в эту войну [26, с. 153]. Далее он стремился оправдать вступление Красной Армии на территорию Западной Беларуси и Западной Украины. Согласно его концепции, народы этих территорий были брошены на произвол судьбы, подняли восстание против оккупантов и ждали помощи от Советской страны [26, с. 154]. Тезис о восстании рабочих и крестьян Западной Беларуси был взят советской историографией из официального обоснования советским руководством вторжения на территорию Польши. В приказе командующего Белорусским фронтом о начале наступления говорилось о необходимости содействовать оставшимся рабочим и крестьянам Западной Беларуси [27, с. 36]. В коллективной работе “Западная Беларусь под панским гнетом и ее освобождение” отмечался развал польского государства под ударами германской армии, и в сложившейся ситуации СССР не мог остаться безучастным к судьбе “единокровных братьев белорусов и украинцев. Советское правительство приняло историческое решение: подать руку помощи своим братьям – белорусам и украинцам, населяющим Польшу” [28, с. 74].

В конце 1939 г. в “Историческом журнале” была опубликована статья А. Манусевича “Исторические предпосылки краха Польши”. Учитывая направление советской внешней политики в то время, “банкротство” польского государства автор названной статьи связывал с крахом Версальской системы в целом. Он считал, что после Октябрьской революции Польше не обязательно нужно было использовать право на отделение. Польское государство рассматривалось в статье как буферное, а лозунг “Польши от моря до моря” не столько как польский, сколько как антантовский [29, с. 192]. В статье академика И.П. Трайника “Национальное освобождение Западной Украины и Западной Белоруссии” подчеркивалось, что с началом в 1939 г. польско-германской войны договоры СССР с бывшим польским правительством потеряли свое значение, отмечалось, что Польша не выполнила свои обязательства по отношению к украинцам и белорусам, а ее развал создал угрозу для судьбы “братских народов”, к чему СССР не мог оставаться безразличным. Поэтому “Красная Армия перешла границу и взяла их под свою защиту” [29, с. 188]. И.П. Трайник фактически повторяет ноту советского правительства правительству Польши, где говорилось, что в связи с распадом польского государства “прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей” [30, с. 96].

Заклучение

Таким образом, советская межвоенная историография делала вывод, что договор о ненападении 1932 г. не изменил антисоветского характера польской внешней политики. Особую опасность для СССР представляло налаживание сотрудничества Польши с фашистской Германией, отражением чего стала декларация о неприменении силы от 26 января 1934 г. Советские авторы всячески подчеркивали, что антисоветизм являлся базой для этого сотрудничества, и для Польши целью сближе-

ния с фашистскими государствами в середине 1930-х гг. было расчленение СССР.

По мнению советских историков, Польша, наряду с Германией, сыграла главную роль в срыве усилий СССР по созданию системы коллективной безопасности в Восточной Европе. Советская межвоенная историография сделала вывод, что особой остроты советско-польские отношения достигли осенью 1938 г. в связи с Судетским кризисом. В то же время были отмечены позитивные перемены в политике Польши в отношении к СССР в конце 1938 – начале 1939 г. По сути, советская историография отражала и обосновывала официальную политическую линию руководства страны. Это проявилось и в связи с подписанием пакта Риббентропа – Молотова, когда она сконцентрировалась на обосновании доктрины о распаде польского государства в результате войны с Германией, что сделало необходимым вступление Красной Армии на территорию Западной Беларуси и Западной Украины для защиты их населения. То, что в работах исследовались злободневные политические проблемы, а также крайне ограниченный доступ историков к источникам, обусловили низкую степень научной достоверности и объективности их работ, вышедших в 1930-е гг. и посвященных проблемам советско-польских отношений того времени. Как пишет В.И. Меньковский, “даже лучшие работы советских авторов из-за действия цензуры строились на избирательной подаче фактов, рассчитанных на поддержку разрешенных властью выводов” [31, с. 43].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Пихоя, Р.Г.** Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20–30-е годы 20 века / Р.Г. Пихоя // Новая и новейшая история. – 2004. – № 2. – С. 28–53.
2. **Братковский, Ю.** Польско-германские противоречия и угроза антисоветской интервенции / Ю. Братковский // Коммунистический Интернационал. – 1933. – № 21 – С. 35–41.
3. **Врублевский, А.** Польша / А. Врублевский. – М. : Гос. социально-экономическое издательство, 1936. – 212 с.
4. Фашистская Польша в тупике. – Л. : Ленинградское областное издательство, 1938. – 68 с.
5. **Вислинский, М.** Внешняя политика Польши на современном этапе / М. Вислинский // Пропагандист. – 1935. – № 10 – С. 42–47.
6. **Лазько, Р.Р.** Перад патапам (Еўрапейская палітыка Польшчы. 1932–1939 гг.) / Р.Р. Лазько. – Минск : БДУ, 2000. – 354 с.
7. **Шустер, А.В.** Германо-фашистские тенденции в современной польской историографии / А.В. Шустер, М.В. Джервис // Против фашистской фальсификации истории : сборник статей ; ред. коллегия: Е.В. Тарле и др. – М. : Издательство ЦК МОРИП, 1939. – С. 410–445.
8. **Мельтюхов, М.И.** 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939 / М.И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2009. – 624 с.
9. Welka Historia Polski. Tom 9. Polska w czasach niepodległości i drugiej wojny switowej (1918–1945). – Krakow : Oficyna wydawnicza, 2001. – 423 s.

10. **Гальянов, В.** Международная обстановка второй империалистической войны / В. Гальянов // Большевик. – 1939. – С. 49–65.
11. **Михутина, И.В.** Советско-польские отношения 1931–1935 / И.В. Михутина. – М. : Наука, 1977. – 288 с.
12. **Высоцкий, И.** Внешняя политика фашистской Польши / И. Высоцкий // Коммунистический Интернационал. – 1935. – № 16–17. – С. 10–17.
13. **Ломов, Л.** Польша и ее армия / Л. Ломов. – М. : Гос. воен. издат., 1935. – 64 с.
14. **Riewiak, A.W.** Polska i ZSSR na przełomie lat dwudziestych i trzydziestych XX wieku // Białe plamy – czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008) / A.W. Riewiak ; pod red. A. Rotfelda i A. Turkunowa. – Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2010. – S. 108–137.
15. **Dębski, S.** Przyczyny II wojny światowej. Polska, Związek Sowiecki i kryzys system wersalskiego / S. Dębski // Białe plamy – czarne plamy. Sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008) / pod red. A. Rotfelda i A. Turkunowa – Warszawa: PISM, 2010. – S. 141–176.
16. **Гальянов, В.** Куда идет Польша / В. Гальянов // Фашистская Польша в тупике – Лн. : Ленинградское областное издат., 1936. – С. 46.
17. **Лемин, И.** Угроза войны и мирная политика СССР / И. Лемин. – М. : Воениздат, 1940. – 80 с.
18. **Wojciechowski, M.** Polska i Niemcy na przełomie lat 1932–1933 / M. Wojciechowski // Rocznik historyczne. – Poznań. – 1963. – R XXIX. – S. 109–172.
19. **Литвинов, М.** Внешняя политика СССР. Речи и заявления 1927 – 1937 / М. Литвинов. – М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 432 с.
20. Запись беседы Полномочного Представителя СССР в Польше с Послом Франции в Польше Лярошем. 17 июля 1934 г. // Документы внешней политики (ДВП) СССР : в 22 т. – Т. 17. – М. : Издат. Политической литературы, 1971. – С. 381–383.
21. Из доклада Председателя Совета Народных Комиссаров СССР на торжественном заседании Моссовета. 6 ноября 1938 г. // ДВП СССР : в 22 т. – Т. 21 – М. : Издат. Политической литературы, 1977. – С. 692–698.
22. **Парсаданова, В.С.** Эдвард Рызд-Смиглы / В.С. Парсаданова // Вопросы истории. – 2007. – № 8 – С. 10–23.
23. Сообщение отдела печати министерства иностранных дел Польши для германских корреспондентов в Польше. 28 ноября 1938 г. // Год кризиса, 1938 – 1939 : документы и материалы : в 2 т. – Т. 1 / редкол.: П.Н. Бондоренко [и др.]. – М. : Политиздат, 1990. – С. 118–119.
24. **Свенцицкий, Я.** Провокаторы за работой / Я. Свенцицкий // Коммунистический Интернационал. – 1938. – № 1. – С. 92–94.
25. **Пичета, В.** Основные моменты развития Западной Украины и Западной Белоруссии / В. Пичета. – М.-Л. : Гос. соц.-эконом. издат., 1940. – 136 с.
26. **Лочмель, И.Ф.** Очерки истории борьбы белорусского народа против польских панов / И.Ф. Лочмель. – М.-Л. : Гос. издат. Отдел воен. лит., 1940. – 163 с.
27. **Случ, С.З.** Советско-германские отношения в ходе польской кампании и вопрос о вступлении СССР во вторую мировую войну / С.З. Случ // Славяноведение. – 1999. – № 6. – С. 32–43.

28. Заходняя Беларусь пад панскім гнётам і яе вызваленне. – Мінск : Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1940. – 96 с.
29. **Аксенова, Е.П.** Очерки из истории отечественного славяноведения. 1930-е годы / Е.П. Аксенова. – М. : Институт славяноведения РАН. 2000 – 224 с.
30. Нота Правительства СССР, врученная послу Польши в СССР В. Гжибовскому 17 сентября 1939 г. // ДВП СССР : в 22 т. – Т. 22. – Кн. 2. – М. : Издат. политической литературы, 1977. – С. 96.
31. **Меньковский, В.И.** История и историография: Советский Союз 1930-х годов в трудах англо-американских историков и политологов / В.И. Меньковский. – Минск : БГУ, 2007. – 359 с.

Поступила в редакцию 04.11.2013 г.